

Созидатель.

По случаю 85-летия Бориса Максимовича Фирсова

Андрей Алексеев, Борис Докторов, Владимир Ядов

Существует множество причин рассказать сегодня о Борисе Максимовиче Фирсове, назовем главные. Прежде всего, он входит в короткий ряд наиболее известных российских социологов. Он внес значимый вклад в исследование средств массовой информации и их аудиторий, общественного мнения, истории дореволюционной и послевоенной российской социологии, в познание такого атрибута социального сознания (включая сознание тоталитарного общества), как разномыслие. Им создан Социологический институт РАН (тогда он был Ленинградским, потом — Санкт-Петербургским филиалом Социологического института АН СССР, затем — РАН), и он — создатель и первый ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Далее, Фирсов — человек, преданный идеалам "шестидесятилетия", один из нравственных авторитетов нашего профессионального сообщества. Третье — в его жизни отражены многие важнейшие события советской и российской истории последних восьми десятилетий.

Сказанное объясняет заголовок нашего текста. К тому же именно установка на созидание это то, с чем Фирсов вошел в сознательную жизнь и что сохраняет до настоящего времени. В его во многом автобиографичной книге о разномыслии он отметил: "Я вышел из блокадного и военного времени с громадным запасом жизненного оптимизма, верой в коллектив и желанием стать полезным обществу человеком" [1, с. 213].

Фирсов родился в 1929 году, и первые 37 лет его жизни прошли вне социологии. Семья, перенесенная постреволюционными событиями из Сальских степей, где служил отец, в Ленинград. В 1938 году по доносу кого-то из знакомых отца арестовали. Били, потом отпустили "за недоказанностью состава преступления", вскоре он умер. Потом — война, девятьсот дней блокады. Круглый отличник в школе, "красный" диплом по окончании Электротехнического института им В.И. Ульянова (Ленина). Одновременно — активнейшая общественная работа. Сначала — комсомольский лидер своего института, впоследствии — секретарь Ленинградского обкома комсомола. Сегодня — это нечто далекое и для многих мало понятное. Поясним: человек на таком посту имел возможность активно влиять на жизнь молодежи крупнейшего города. Фирсов стремился быть созидателем, строителем общественной жизни.

В тридцать лет Фирсов — первый секретарь Дзержинского РК КПСС, если применительно к Москве, то это территория, расположенная внутри "Садового кольца". В "его" районе находились основные культурные центры города: Эрмитаж, Русский музей, творческие союзы писателей и журналистов. С ними он смог найти общий язык, но демократический стиль работы Фирсова не устраивал партийное руководство города. Ему предложили "повышение" — поучиться в Москве в Академии общественных наук, но он категорически отказался, пошутив, что в крайнем случае "завалит" вступительные экзамены. Тогда вспомнили, что он — "технар-электротехник", и в 1962 году назначили его директором Ленинградской студии телевидения. Ветераны ТВ до сих пор называют те годы "золотыми".

Выдающиеся поэты и писатели, самые громкие имена тогдашней театральной сцены стали авторами, героями и участниками большого числа телевизионных передач. Складывался культурный диалог с телезрителями. Но увы, через некоторое время Фирсов уже "дымился" от партийных взысканий. Работник он был отличный, и потому его терпели. Но терпение высшего партийного начальства города иссякало.

Точку в карьере Фирсова, как директора ТВ, поставила в на-

чале 1966 года телевизионная передача о государственной политике переименования населенных пунктов, когда взамен исторически сложившихся названий городам присваивались имена деятелей советского государства. Социолингвистическая дискуссия участников передачи — тогда все шло в прямом эфире — напрягла партийные власти. В итоге Фирсова освободили от должности директора Ленинградской студии телевидения.

Были разнообразные предложения — "возглавить", "руководить", но обдумав прожитое, Фирсов решил: никакого возврата в партийную номенклатуру. К тому времени в нем поселился "вирус" телевидения, было понимание необходимости основательной его перестройки. Он поступил в аспирантуру философского факультета ЛГУ к старому другу по комсомольской молодости Владимиру Ядову и начал работать над кандидатской диссертацией по социологии на материале изучения ленинградской телеаудитории. Старые московские друзья содействовали Фирсову в направлении на стажировку в Англию — в Службу исследований аудитории Би-Би-Си. В феврале 1969 года он досрочно защитил кандидатскую диссертацию. Это было пионерное исследование; ныне оно входит в "золотой фонд" отечественной социологии [2].

После этого Фирсов занялся анализом процессов массовой коммуникации в СССР и в мире [3]. Итоги были обобщены им в докторской диссертации, также успешно защищенной в 1979 году. И затем, неожиданно для многих, он полностью отошел от этой темы. Он понял: общественный спрос на серьезные, глубокие исследования неуклонно снижается.

Есть в истории советской социологии одна малоизвестная

страница. В середине 1970-х годов Ленинградский обком КПСС решил предпринять изучение общественного мнения населения города. Оказалось, что кроме "опального" (в недавнем прошлом) Фирсова возглавить эту работу в многомиллионном городе было некому. В рамках Института социально-экономических проблем АН СССР была создана уникальная, по тем временам, технология, которая позволяла за 24 часа опросить 2000 человек, провести первичную обработку на допотопной вычислительной технике и подготовить оперативный отчет "наверх".

До 1983 года было осуществлено полтора десятка исследований такого рода, но все результаты опросов были исключительно "для служебного пользования", они до сих пор не опубликованы. В целом дело шло, но близился разгром ленинградской академической социологии (к сожалению, сегодня об этом помнит совсем небольшое число людей). Летом 1984 года ("Год Оруэлла") этот проект был закрыт. Выдвинув смехотворные — даже по тем временам — аргументы, обком КПСС объявил Фирсову "строгий выговор с занесением в учетную карточку" (более серьезным наказанием было бы только исключение из партии) и рекомендовал дирекции Института освободить его от должности заведующего сектором. А еще лучше — вообще освободиться от него. Так и произошло. Тогда Фирсов сказал сам себе: "Радуйся! Ты, наконец, стал свободным от них".

Во многом повторилась история с изгнанием Фирсова, по идеологическим причинам, из партноменклатуры и руководства телевидением. Несколько лет он проработал в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР — своеобразном "месте ссылки" для обществоведов, потерявших доверие ленинградских властей. Ушел от изучения актуальной тематики к изучению прошлого и проработал позабытый архив Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Итогом стала необычная книга по культуре русского этноса [4].

Собственно социологическое будущее Фирсова тогда не прорисовывалось, но наступила перестройка, вторая половина 80-х гг. Социология оказалась востребованной, а вместе с ней — и Фирсов. В 1989 году он стал директором-организатором (потом штатным директором) Ленинградского филиала Института социологии АН СССР (к тому времени этот Институт в Москве уже возглавлял старый друг и сподвижник В. Ядов). А в 1992 году тогдашний мэр города Анатолий Собчак предложил Фирсову встать в главе организационного комитета по созданию негосударственного образовательного учреждения, сегодня известного как Европейский университет в Санкт-Петербурге. Фирсов собрал сильную команду высокопрофессиональных и относительно молодых социологов, экономистов, культурологов, и в 1996 году университет открылся. Два двухгодичных срока он был ректором и заложил основы и традиции этого уникального для России центра образования и науки. Организаторская деятельность всегда оставалась у Фирсова на первом месте, научная — на втором, преподавательская — на по-

следнем. Университет был для него Большой целью, но ни в какой мере не средством.

Став свободнее Фирсов вернулся к научной работе. В 2002 году он опубликовал одно из первых в России монографических исследований по истории российской/советской послевоенной социологии [5]. Импульс, подтолкнувший его к историческим штудиям, шел не столько от размышлений над внутрисоциологической проблематикой, сколько от страстного поиска личностно-общественного объяснения советской истории, от попытки осмысления коллективного и индивидуального опыта жизни в советских условиях. Заряженный этим желанием, Фирсов не только через десять лет подготовил новое, значительно расширенное издание своих очерков истории нашей науки (они же — учебник), но сотворил и опубликовал удивительную, еще до конца не освоенную нашим профессиональным сообществом, книгу о разномыслии в СССР, которая охватила временной период от начала войны до затухания политической оттепели 60-х гг. [1].

В этой книге хорошо просматривается доминирующий мотив деятельности Фирсова в доэтнографический и социологический периоды его жизни. Это — нравственный поиск создателя и стремление неукоснительно следовать лично выстраданным этическим императивам. Книга синтезирует в себе личное и общественное, черты научных трактатов и традиции мемуарной литературы. Местами это — исповедь человека, сначала верившего в справедливое устройство общества, в котором он живет, и пытавшегося, вместе с другими шестидесятиниками, преодолеть его пороки, а потом — убедившегося в ложности самих идеологических основ этой общественной системы.

Книга о разномыслии — это своеобразный отчет Фирсова о прожитом и сделанном. Но жизнь и творческий процесс продолжают. Мы желаем нашему дорогому другу и коллеге здоровья, оптимизма, сбережения и развития имманентно присущего его личности и полезного обществу созидательного начала.

Литература

1. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы. СПб.: Издательство Европейского дома, 2008.
2. Фирсов Б.М. Телевидение глазами социолога. М.: Искусство, 1972.
3. Фирсов Б.М. Пути развития средств массовой коммуникации. Л.: Наука, 1977.
4. Быт великорусских крестьян-землепашцев: по материалам Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева / Сост. и авт. вступительной статьи, описания материалов Владимирской губернии и научно-справочного аппарата Б.М. Фирсов и И.Г. Киселева. СПб.: Изд-во Европейского дома, 1994.
5. Фирсов Б.М. История советской социологии 1950-1980-х годов: Курс лекций. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2001.